

Рецензии

Рекомендация для цитирования:

Акимушкина Е. О. Рецензия на: Talatof, K. (2025) *Nezami Ganjavi and Classical Persian Literature. Demystifying the Mystic*. New York: Columbia University Press. 284 p. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2026. № 2 (44). С. 251–260.

For citations:

Akimushkina, E. O. (2026) “Review of: Talatof, K. (2025) *Nezami Ganjavi and Classical Persian Literature. Demystifying the Mystic*. New York: Columbia University Press. 284 p.”, *Gosudarstvo, religii, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 2 (44): 251–260.

Поступила в редакцию: 1.03.2026;
принята в печать: 30.03.2026.

Received: 1.03.2026; Accepted for publication: 30.03.2026.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Акимушкина Е. О., 2026

© Akimushkina E. O., 2026

Рецензия на: Talatof, K. (2025) *Nezami Ganjavi and Classical Persian Literature. Demystifying the Mystic*. New York: Columbia University Press. 284 p.

ЕКАТЕРИНА О. АКИМУШКИНА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). eoakimushkina@iaas.msu.ru
ORCID: 0000–0001–7466–5863

Review of: Talatof, K. (2025) *Nezami Ganjavi and Classical Persian Literature. Demystifying the Mystic*. New York: Columbia University Press. 284 p.

EKATERINA O. AKIMUSHKINA

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).
eoakimushkina@iaas.msu.ru
ORCID: 0000–0001–7466–5863

Низами Ганджави (ок. 1140 — ок. 1208), великий персидский поэт Закавказской школы, автор пяти поэм-*маснави* — «Сокровищница тайн» (1173), «Хусрав и Ширин» (1181), «Лайли и Маджнун» (1188), «Семь красавиц» (1197) и «Книга об Александре» (1197–1201), сформировал канон написания эпической поэмы и заложил в персидской литературе основы нового вида эпического творчества, который впоследствии получил название «Пятерица» (*Хамса*). Поэмы Низами оказали огромное влияние на развитие персидской классической литературы и генетически связанных с ней молодых литератур (например, на тюркских языках и на языке урду): сложилась традиция написания ответов на поэмы, вошедшие в «Пятерицу», что способствовало эволюции литературного канона в эпоху традиционалистского художественного сознания¹.

Наряду с изучением специфически литературоведческой проблематики исследователи творчества Низами Ганджави уже почти полтора столетия продолжают задаваться вопросом о том, принадлежал ли поэт

к одному из суфийских братств, и предпринимают попытки интерпретировать его поэмы в эзотерическом ключе.

Авторы средневековых поэтических антологий 'Ауфи (XIII век), Даулатшах (XV век), Джами (XV век) считали Низами суфием и настаивали на мистическом прочтении его поэм, хотя сам он в своих произведениях не упоминает о принадлежности к какому-либо суфийскому братству, не называет имени своего наставника, не пользуется суфийской терминологией, то есть формально не дает никакого повода для таких заключений. Тем не менее позиция составителей авторитетных антологий, безусловно, повлияла на выводы первых исследователей его творчества. В частности, В. Бахер, автор одной из первых монографий, посвященных Низами (1871)², был убежденным сторонником гипотезы о том, что Низами был суфием и его произведения имеют скрытый мистический смысл, который необходимо расшифровать. Точка зрения В. Бахера сравнительно надолго закрепились в иранистическом литературоведении и была опровергнута Е.Э. Бертельсом

¹ Рейснер М. Л., Ардашников А. Н. Персидская литература IX–XVIII веков: В 2 т. М.: Садра, 2021. Т. 1: Персидская литература домонгольского времени (IX — начало XIII в.). Период формирования канона: ранняя классика. С. 250–284.

² Bacher, W. *Nizami's Leben und Werke und der zweite Theil des Nisamischen Alexanderbuchs*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1871. S. 24.

в 1930–1940-х годах. Е. Э. Бертельс считает, что Низами был хорошо знаком с суфийскими концепциями, его произведения включают в себя суфийские мотивы, но толкование его поэм исключительно в мистическом ключе является слишком упрощенным: «...нужно сказать, что с отношением Низами к суфизму дело обстоит вовсе не так просто. Зачислить его без колебаний в разряд суфийских шейхов можно было бы только без внимательного изучения его поэмы (имеется в виду поэма «Сокровищница тайн». — Е. А.)»³.

В иранистическом литературоведении 80-х годов XX века — первой четверти XXI века встречаются разные мнения по поводу того, был ли Низами мистиком: большая часть иранистов разделяет в той или иной степени вышеприведенную позицию Е. Э. Бертельса (например, Г. Ю. Алиев, М. Л. Рейснер, Н. Ю. Чалисова, Дж. Клинтон, Дж. Скотт Мейсами), однако современные иранские исследователи творчества Низами считают, что он, несомненно, принадлежал к одному из суфийских орденов (А. Саййид-Гухраб, Б. Занджани, С. Сирджани и др.).

³ Бертельс Е. Э. Избранные труды: В 5 т. Т. 2: Низами и Фузули. М.: Наука, ГРВЛ, 1962. С. 110.

Новая волна интереса к проблеме гипотетической принадлежности Низами к суфиям и степени его приверженности исламу была вызвана идеологической установкой на религиозное осмысление всего национального культурного наследия Ирана после исламской революции 1979 года. Своеобразной реакцией на такую тенденцию превращения Низами в мистика во многом и стала рецензируемая работа Камрана Талаттофа, профессора Аризонского университета (США), на протяжении нескольких десятилетий занимающегося исследованиями в области классической и современной персидской литературы, исламоведения и иранской культуры. Книга развивает темы его статей, вошедших в коллективный труд 2000 года «Поэзия Низами Ганджави. Знание, любовь и красноречие» и посвященных женским образам в поэмах Низами и общему обзору библиографии работ по низамиведению⁴.

⁴ Talattof, K. (2000) "Nizami's Unlikely Heroines: A Study of the Characterization of Women in Classical Persian Literature", in K. Talattof, J. W. Clinton (eds) *The Poetry of Nizami Ganjavi. Knowledge, Love and Rhetoric*, pp. 51–82. New York: Palgrave Macmillan; Talattof, K. (2000) "International Recognition of Nizami's Work: A Bibliography", in K. Talattof, J. W. Clinton (eds) *The Poetry of Nizami Ganjavi. Knowledge, Love and Rhetoric*, pp. 189–204. New York: Palgrave Macmillan.

Рассматриваемая монография состоит из предисловия, восьми глав и справочно-библиографического аппарата. В предисловии Талаттоф отмечает, что, хотя за последние полвека интерес к творчеству Низами существенно возрос, большинство исследователей рассматривают его произведения (в первую очередь, поэмы) с религиоведческой точки зрения, практически не уделяя внимание их поэтике. В связи с этим автор ставит перед собой две основные цели: 1) восполняя пробел, рассмотреть «Пятерицу» Низами с литературоведческой точки зрения (в частности, выявить источники сюжета, проанализировать художественные средства, используемые поэтом); 2) развенчать миф о том, что Низами был суфийским мистиком.

Все восемь глав в монографии выделены по тематическому принципу и связаны общей проблематикой в соответствии с поставленными целями: в них рассматривается ряд литературоведческих проблем, анализ которых, по мысли автора, помогает ответить на вопрос о том, можно ли поэмы Низами отнести к религиозно-мистической (суфийской) поэзии.

В первой главе «Низами Ганджави и персидская классическая литература» Талат-

тоф рассказывает об истории изучения творчества Низами, дает краткие характеристики каждой из пяти поэм-*маснави*, отмечает его влияние на творчество последующих поэтов, писавших ответы на его эпические произведения, таким образом обозначая важное место Низами в персидской литературе.

Во второй главе «Низами — персидский мастер слова: *sakhon* в персидской классической поэзии» *sakhon* определяется как художественное слово (чаще — поэтическое слово), в широком смысле — как литература, которая может существовать в форме поэзии и прозы. В поэзии Низами *sakhon* приравнивается к божественному логосу. Талаттоф утверждает, что Низами — скорее филолог в широком смысле этого слова, а не философ или теолог, соответственно, религиозно-мистические образы и сведения, почерпнутые из разных областей знания (астрономии, астрологии, медицины, математики, географии, философии и др.) представляют для него своего рода «строительный материал», с помощью которого он выстраивает сюжеты своих поэм.

В третьей главе «Женщины и любовь в произведениях Низами, Фирдоуси и Джами» рассматривается основополагающая для большинства поэм

Низами тема любви. Поэт раскрывает сущность разных видов любви — счастливой и несчастливой, возвышенной и земной, безумной и исцеляющей, эгоистичной и самоотверженной. Анализируя произведения классиков персидской литературы Фирдоуси (932–1020), Низами и Джами (1414–1492), Талаттоф констатирует, что Низами создает сложные, многоуровневые женские образы (Ширин, Фитны и др.), часто оттесняющие мужские образы на второй план, что в целом нетипично для персидской литературы XII века и, по-видимому, вызвано влиянием зороастризма (так, образ Ширин возводится к образу зороастрийской богини Ардвисуры Анахиты).

В четвертой главе «Вера, факты и фантазия: истории вознесения и аллегория у Низами» рассматривается, как в поэмах Низами изображается вознесение пророка Мухаммада (*ми'радж*). Талаттоф отмечает, что этот сюжет становится классической частью глав интродукции, поэтому он и приводится в каждой поэме. Автор указывает, что мотивы вознесения представлены не только в Коране и хадисах, но и в зороастрийских памятниках («Книга о праведном Выразе»), и таким образом демонстрирует, что в распоряжении Низами

были разнообразные источники сюжетов.

В пятой главе «Вино и идентичность в творчестве Низами и Рудаки» рассматривается тема вина и винопития, одна из самых часто встречающихся тем в персидской поэзии, вызывающая бесконечные дебаты о природе вина и уместности его описания в персидской литературе. Талаттоф анализирует историю развития пиршественной (винной, гедонической) поэзии (жанр *хамрийят*), начиная со стихов арабского поэта Абу Нуваса (756–814), рассматривая произведения Рудаки и Манучихри (ум. около 1041) и завершая обзор такими мотивами в поэмах Низами. Делая акцент на традициях винопития, восходящих к доисламскому времени, он напоминает читателю, что именно Низами является основоположником *саки-нама* («Книга виночерпия»), разновидности жанра *хамрийят*. Приводится ряд выводов о функциях вина в поэмах Низами, в частности о том, что вино выполняет функции лекарства и источника поэтического вдохновения. Талаттоф считает, что вино используется в поэмах Низами в прямом значении и играет важную роль в повествовании.

В шестой главе «Художественная аллегория Низами

в поэме „Лайли и Маджнун“» внимание автора сфокусировано на том, как изображается история любви Маджнуна и Лайли. Именно эту поэму, наряду с «Сокровищницей тайн», наиболее часто интерпретировали в мистическом ключе, так как считается, что в ней Низами очень близко подходит к суфийской концепции единения души мистика с божественной Истиной (*umtihad*).

В седьмой главе «В поисках религии и реминисценций „Божественной комедии“ Данте в „Истории Махана“» Талаттоф продолжает оспаривать возможность исключительно религиозного прочтения поэм Низами, реагируя на усиление тенденции, в рамках которой исследователи стремятся найти свидетельства благочестия Низами, сравнивая его с другими авторами, писавшими религиозную поэзию в иных литературных традициях. В этой связи сопоставляется фрагмент из поэмы «Семь красавиц», условно названный «История Махана», и «Божественная комедия» великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321). Подчеркивается, что описание любви в поэмах Низами нельзя интерпретировать только как описание любви суфия к Богу, поскольку Низами описывает любовь во всем ее мно-

гообразии. По мнению автора монографии, Низами проводит своих персонажей через испытания, чтобы показать ценность разума.

В восьмой главе «Возвышенное ремесло, литературные приемы и аллегория» разъясняются телеология творчества Низами и применяемые им литературные приемы — аллегории (*tamsil*), сравнения (*tashbih*) и метонимии (*badi'*, *degargui*). На основании подробного анализа пяти поэм Талаттоф приходит к выводу, что Низами использует религиозно-мистические образы и мотивы для создания художественного произведения, но не для решения внелитературной задачи проповеди суфизма. Автор монографии делает ценные наблюдения о том, что различные интерпретации текста поэм, в том числе в мистическом ключе, оказываются возможными, в частности, благодаря аллегориям, тщательной литературной обработке каждого бейта, «поэтике намека и ассоциации», а также другим поэтическим техникам. Создается впечатление, что автору не всегда хватает аргументов для исчерпывающих выводов относительно принадлежности Низами к суфизму и степени его приверженности исламу. Так, в качестве подтверждений того обстоя-

тельства, что поэзия Низами не является суфийской, Талаттоф называет отсутствие аллегорического изображения однополой любви и упоминания суфийских орденов, а также использование термина «суфий» в негативной коннотации. Действительно, в суфийском дискурсе мотив такой любви был довольно широко распространен, однако не был обязательным. Что касается негативного образа суфия в религиозно-мистической поэзии, то суфийские поэты достаточно часто подвергали своих собратьев острой критике, порицая их лицемерие и жадность (достаточно вспомнить хотя бы соответствующие стихи ‘Абдаллаха Ансари (1005–1088)⁵), и вполне могли не упоминать суфийские ордена в своих произведениях. Тем не менее Талаттоф утверждает, что Низами не является поэтом-мистиком, а выступает в качестве переходной фигуры от светской к религиозно-мистической поэзии. Талаттоф полагает, что в XII веке такие переходные фигуры еще были возможны, поскольку настоящий персидский мистицизм начинается со второй половины XIII века. Дан-

ное утверждение представляется нам довольно спорным, так как к середине XII века в Иране уже существовала достаточно развитая суфийская литература: так, произведениям Низами предшествовали поэмы Санаи Газнави (ок. 1081–1141), стихи вышеупомянутого ‘Абдаллаха Ансари и Баба Кухи Ширази (ум. ок. 1050).

Автор монографии отмечает, что Низами трудно назвать правоверным мусульманином, которым его хотят изобразить современные иранские исследователи, поскольку он пишет о вине, астрологии, излишне активных, самостоятельных женщинах, использует много зороастрийской образности. Создается впечатление, что те мотивы и образы в поэмах Низами, которые современные иранские исследователи не могут объяснить в рамках мусульманского спекулятивного богословия, они пытаются интерпретировать в русле суфийской парадигмы: например, если описываются вино и процесс винопития, то это не следует расценивать как описание недозволенного (*харам*) в исламе, поскольку подразумевается не реально существующий напиток, а приобщение к высшей духовной истине.

Считается, что Низами был суннитом; он не высказы-

⁵ Рейснер М.Л., Ардашников А.Н. Персидская литература IX–XVIII веков. Т. 1: Персидская литература домонгольского времени (IX — начало XIII в.). С. 164.

вал в своей поэзии симпатии ни к шиитам, ни к исмаилитам⁶. В XII веке многие жители Закавказья принимали ислам номинально, но продолжали придерживаться зороастрийских традиций; некоторое влияние могло оказывать христианство (см. творчество закавказского поэта XII века Хакани Ширвани⁷), активно развивались различные суфийские школы. Низами писал свои поэмы в эпоху традиционалистского художественного сознания в условиях господства теоцентрической модели мира. Соответственно, он и воспроизводит эту модель в главах интродукции поэм, задавая «систему координат» для своего творчества.

Если судить по библиографии, приведенной в монографии, Талаттоф, за исключением двух работ Е. Э. Бертельса, не знаком с трудами советских и российских исследователей (Г. Ю. Алиева, А. Е. Бертельса, М. Л. Рейснер, Н. Ю. Чалисовой)⁸, поэтому у него сложи-

лось неполное представление о том, что уже сделано в низамиведении на данный момент: так, ему неизвестно, что ответы на поэмы Низами в литературах на других языках уже изучались в советской иранистике (р. 1) и что вопрос о принадлежности Низами к суфийскому братству в принципе уже не настолько актуален в российской иранистике, как в американской.

Кроме того, нельзя согласиться с мнением Талаттофа, что интересы Низами сосредоточены только в области поэтического искусства и его поэмы не содержат какой-либо критики в адрес правителя (р. 213). Поэмы Низами включают в себя много советов, обращенных к власти предрержащим, в них показано, каким должен быть идеальный правитель (образ правителя-пророка во второй части «Книги Александра») и каким правитель быть не должен, то есть поэмы выполняют дидактическую функцию для властителей, выступая в роли своеобразного «учебного пособия» по управлению государством в развлекательной форме.

⁶ Бертельс Е. Э. Избранные труды: В 5 т. Т. 2: Низами и Фузули. С. 109.

⁷ Рейснер М. Л., Ардашников А. Н. Персидская литература IX–XVIII веков. Т. 1: Персидская литература домонгольского времени (IX — начало XIII в.). С. 229.

⁸ Алиев Г. Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1985; Бертельс А. Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображе-

ние). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997; Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Горе от безумия: печальная повесть о Лайли и Маджнуне // Низами. Лайли и Маджнун / Введение, пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М.: РГГУ, 2008. С. 5–76. (Orientalia & Classica. Вып. XIII).

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, на основании данных, которыми мы располагаем в настоящее время, трудно предложить какие-то новые доказательства относительно того, принадлежал ли Низами к суфийскому братству или насколько правоверным мусульманином он был, в то время как остается достаточно много вопросов, касающихся творчества Низами и ждущих своего исследователя. Так, еще только предстоит выделить основные этапы развития персидского романического эпоса, установить взаимосвязи между поэмами различных авторов, выявить принципы составления ответов на произведения предшественников. Перспективными для дальнейшего изучения выглядят многочисленные наблюдения Талаттофа относительно зороастрийского происхождения ряда мотивов и образов, представленных в поэмах Низами, и их трансформации в исламский период. Можно было бы также обратиться к выявлению мотивов агиографической литературы в поэмах Низами. Так, Талаттоф выделяет мотив дружбы Маджнуна с дикими зверями в пустыне и определяет его как суфийский. Но надо сказать, что это не просто характерный для суфийских житий мотив, он широко распространен в агио-

графической литературе разных религий (христианства, ислама, буддизма), что открывает широкие возможности для типологических штудий.

Рецензируемая монография может представлять интерес не только для узких специалистов по истории литературы Ирана, но и для литературоведов, занимающихся типологией и компаративистикой, для культурологов и религиоведов, в частности исламоведов и специалистов по зороастризму.

Библиография / References

- Алиев Г. Ю.* Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Бертельс Е. Э.* Избранные труды: В 5 т. Т. 2. Низами и Фузули. М.: Наука, ГРВЛ, 1962.
- Рейснер М. Л., Ардашникова А. Н.* Персидская литература IX–XVIII веков: В 2 т. М.: Садра, 2021. Т. 1: Персидская литература домонгольского времени (IX — начало XIII в.). Период формирования канона: ранняя классика.
- Чалисова Н. Ю., Русанов М. А.* Горе от безумия: печальная повесть о Лайли и Маджнуне // Низами.

- Лайли и Маджнун / Введение, пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М.: РГГУ, 2008. С. 5–76. (Orientalia & Classica. Вып. XIII).
- Aliev, G. Yu. (1985) *Themes and Plots of Nizami in the Literatures of the Peoples of the East*. Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian)
- Bacher, W. (1871) *Nizami's Leben und Werke und der zweite Theil des Nisamischen Alexanderbuches*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann.
- Bertel's, A. E. (1997) *Symbols and Metaphors in the Persian Art of IX–XV centuries (Poetry, Images)*. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN. (In Russian)
- Bertel's, E. E. (1962) *Selected Works: In 5 vols. Vol. 2: Nizami and Fuzuli*. Moscow: Nauka, GRVL. (In Russian)
- Chalisova, N. Yu., Rusanov, M. A. (2008) "Woe from Madness: Sad Tale of Layli and Majnun", in Nizami. *Layli and Majnun*, pp. 5–76. Moscow: RGGU. (Orientalia & Classica. Iss. XIII). (In Russian)
- Reisner, M. L., Ardashnikova, A. N. (2021) *Persian Literature of the IX–XVIII centuries: in 2 vols. Vol. 1: Persian Literature of the Pre-Mongol Epoch (IX – early XIII centuries). Period of Canon Formation: Early Classics*. Moscow: Sadra. (In Russian)
- Talattof, K. (2000) "Nizami's Unlikely Heroines: A Study of the Characterization of Women in Classical Persian Literature", in K. Talattof, J. W. Clinton (eds) *The Poetry of Nizami Ganjavi. Knowledge, Love and Rhetoric*, pp. 51–82. New York: Palgrave Macmillan.
- Talattof, K. (2000) "International Recognition of Nizami's Work: A Bibliography", in K. Talattof, J. W. Clinton (eds) *The Poetry of Nizami Ganjavi. Knowledge, Love and Rhetoric*, pp. 189–204. New York: Palgrave Macmillan.

Информация об авторе / About the Author

Екатерина Олеговна Акимущкина — заведующая кафедрой индийской филологии, доцент Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
eoakimushkina@iaas.msu.ru

Ekaterina O. Akimushkina — Head of the Department of Indian Philology, Associate Professor of the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
eoakimushkina@iaas.msu.ru